

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Л. А. Меньшиков

Истоки постмодерна и роль неклассической философии в формировании интеллектуального пространства современной культуры

УДК 37.013

Статья посвящена изучению связей постмодернистской философии с неклассической мыслительной традицией. Возникновение постмодернистского интеллектуального поля описывается как очередная семиотизация смыслов и концептов неклассической философии. Выделяются и анализируются основные направления общественной мысли XIX–XX вв., которые повлияли на становление идеологии постмодернизма. Обнаруженные интеллектуальные корни постмодерна раскрывают его историческую укорененность в философии модерна.

Ключевые слова: постмодерн, современность, модерность, неклассика, интеллектуальное пространство современности, преемственность культуры.

L. A. Menchikov. The Postmodernity sources and the importance of nonclassical philosophy in the creation of intellectual space in contemporary culture

Article contains the research of post-modernist philosophy relations with nonclassical ideational tradition. Emergence of a post-modernist intellectual background is described as the another signification of nonclassical concepts. The main directions of the XIX–XXth centuries thought which determined the creation of post-modernist ideology are allocated and analyzed. The discovered intellectual roots of a postmodernity explain its historical continuity with the modern philosophy.

Key words: Postmodernity, contemporary culture, modernity, non-classics, contemporary intellectual background, cultural continuity.

В современной философской и исторической науке не сложилось однозначного понимания феномена постмодернистской культуры. Разные авторы вкладывают в это понятие совершенно разные смыслы, относят к постмодерну различные явления культуры второй половины XX века. Одним из путей понимания сущности постмодерна может служить сопоставление основного содержания постмодернистской философии с иными интеллектуальными традициями XIX–XX вв. – своеобразное определение места постмодерна в интеллектуальном пространстве современной культуры. Результатом такого сопоставления должно стать установление связей и возможных пересечений, а также установление границ с иными, современными и предшествующими постмодерну философскими, социально политическими, эстетическими и подобными интеллектуальными учениями, которое позволит трактовать постмодернистскую интеллектуальную традицию как очередную семиотизацию уже известных мировоззренческих стереотипов. Обоснование теории постмодернистской культуры может быть описано как многоэтапный процесс, глубоко укорененный в различных направлениях философской мысли XIX–XX вв. и складывающийся в основных своих составляющих постепенно на протяжении всего прошлого столетия путем заимствования ряда философских определений современной социокультурной ситуации. Ряд исследователей обнаруживают истоки постмодернистского мировосприятия в отдельных концепциях философии жизни – идеях Ф. Ницше и О. Шпенглера. Значительные черты постмодернистского взгляда на мир содержатся в экзистенциалистской философии – в первую очередь, в философии К. Ясперса и М. Хайдеггера, но также и в работах А. Камю, Ж.-П. Сартра и многих других.

Эти концепции станут точкой отсчета для формирования постмодернистской философии во всех ее видах и направлениях, для каждого из которых они откроют свою существенную проблему в культуре XX в. Поэтому для сегодняшней науки очевидно, что «те основополагающие сдвиги, на которых базируется постмодернизм, свершились в конце XIX и в начале XX столетия» [6:157]. А попытки доказать, что культурфилософская основа постмодерна находится во французских постструктуралистских и американских деконструктивистских кон-

цепциях, следует скорректировать тем, что истоки этих концепций – в неклассической философии. Также отсылают к XIX в. и теории культуры постиндустриального и информационного общества, которые составляют социальное и философское поле постмодерна. Они, как и предшествующие им концепции Франкфуртской школы, сформировали критическую направленность постмодернистской теории и стали ее органической частью. Особенно важен вклад нового левого движения с его культурными проявлениями в виде движений хиппи и битников, даже ситуационистской теории в позиционирование постмодерна как антибуржуазно и антимодернистски ориентированного движения. Мультикультуралистская теория, возникшая, в том числе, и в лоне постмодерна, оказала на него обратное влияние, значительно изменив облик поздних постмодернистских концепций. С другой стороны, теории постмодерна развивались на фоне концепций модернизации и испытали их воздействие, что сказалось на включении в них момента, прогнозирующего развитие и эволюцию постсовременного общества. В результате определилось значительное многообразие постмодернистских теорий: от эстетического обоснования проблематизации, смещения и иронии в искусстве, социально-философских теорий, обозначающих основные моменты жизни общества в терминах соблазна, распри и симуляции, антропологических теорий фрагментации и конструирования нового человека, постматериализма и послезития. Все перечисленные теории вошли в форме отдельных концептов и образов в поле постмодернистской теории, но не образовали единого и целостного понимания ситуации постмодерна, а лишь позволили констатировать ее наличие в современной культуре, а также дали возможность определить достаточно широкий и расплывчатый набор ее характерных черт, не приносящих тем не менее цельного определения постмодерна, но лишь задающих семиотическое поле тяготения смысла, с точки зрения которого и возможен анализ современной культуры, в котором каждое ее явление должно осмысляться в аспекте причастности этим теориям, рассматриваться как их отражение или отсутствие отражения. С другой стороны, понимание постмодернистской теории невозможно без описания вклада различных философских отражений культуры, которые в силу принципиальной

«всеядности» постмодерна оказались втянутыми в его орбиту и приняли участие в его формировании. Каждое из фундаментальных положений постмодернистской теории представляет собой прямое или искаженное заимствование и переосмысление из современных или предшествующих концепций, именно поэтому его определение невозможно без описания всего набора его составляющих.

Основание всей этой многообразной постмодернистской интеллектуальной традиции восходит к неклассической философии. Определившееся в учении Шопенгауэра понимание человека как поля выражения интуитивной воли к жизни и осмысление бытия человека в мире как трагического и безысходного открыли путь для ставшего в постмодерне общим местом утверждения катастрофизма мира и закрепившегося в культуре второй половины XX в. бессмыслия человеческого существования и невозможности его фиксации в рациональных формах, которые ведут к иллюзионизму культуры вообще и постмодернистской культуры в частности.

Постмодернистская форма отношения человека к миру может быть трактована и в терминах С. Кьеркегора как отчаяние возможного, постмодернистская культура по сути своей есть культура эстетического отчаяния – ее смысл заключается в бесконечном поиске разнообразия эстетических впечатлений, каждое из которых в отдельности бессмысленно, а потому приводит в состояние отчаяния, которое становится общим содержанием жизни постсовременного человека, превращающегося в Дон Жуана в кьеркегоровском понимании этого персонажа. Термины отчаяния и страха, к которым сводится существование, непосредственным образом открывают череду концептов, ведущих к осознанию катастрофизма современной жизни.

Еще более основательны ницшеанские истоки постмодерна. Трактовка культуры как проявления воли к власти – непосредственное основание постструктуралистских моделей отношений культуры и человека. Традиция понимания культуры как соединения двух противоречивых начал, выразившаяся, в частности, в понимании постмодернизма как культуры двойного кода, также восходит к ницшеанской философии культуры – Дионис и Аполлон были первыми в истории философии двойными агентами, вносящими в культуру нераз-

решимое противоречие. Актуализация мифа о вечном возвращении как основополагающего механизма культуры – существеннейшее завоевание постмодернистской эпохи, которое претендует на то, чтобы стать тем наследием культуры второй половины XX в., которое переживет свое время. Идея вечного возвращения в культуре – центральный механизм воспроизводства культурных смыслов в сегодняшней художественной и социально-политической практике. Постмодерн воспринял идею вечного возвращения как основной механизм производства культурных смыслов и как основной механизм исторического движения человечества: «Требование переосмыслить случайное и связать его с вечным возвращением Ф. Ницше звучит и в философии 1990-х годов» [1:385–386]. В наиболее радикальных постмодернистских концепциях представление о вечном возвращении абсолютизируется и становится единственным основанием для культуротворчества, которое «вечно возвращается в каждом событии... возвращается всякий раз, как брошены кости», как «единственный первоначальный бросок костей, во власти которого утверждать случай» [2:102]. В связи с этим Ж. Делёз «отмечал близость ницшеанского “вселенского” плюрализма идеям конца XX века» [5:8]. Ницше помог постмодерну «придать безответственности ее позитивный смысл» [3:71]. Представления Ницше о переоценке ценностей открыло путь для постмодернистского учения об относительности ценностей, их исторической обусловленности и текучести. Понятие переоценки может быть использовано как описание еще одной стратегии постмодернистского творчества – творчество происходит только в случае нового надления ценностью какого-либо из прежних смыслов. Наконец, Ницше открывает своим творчеством эпоху «смертей» всех возможных ценностей – после однажды осуществившейся в теории Ницше «смерти Бога» начинается череда постмодернистских «умираний», когда смертными оказываются все казавшиеся прежде бессмертными ценности и идеалы.

Философия культуры О. Шпенглера существенна для постмодерна тем, что она провозгласила «закат Европы». Постмодерн развил и абсолютизировал представление о неоднозначности и неабсолютности европейской модели построения культуры. Историческая ограни-

ченность любой модели культурного творчества стала очевидной после завоевания популярности теориями культурно-исторических типов. Теперь вечные образы культуры превращаются лишь в набор подлежащих толкованию символов и текстов, переходящих и непонятных тем, кто не является их носителем. Символы эти имеют вовсе не жизнеобеспечивающее, не общечеловеческое, не экзистенциальное, но лишь исторически-музейное значение и существуют исключительно как предмет для толкования исследователем культуры. Для их актуализации, превращения в факты современности требуется их включение в сферу интересов сегодняшнего культурного поля, но оно не торопится оживлять их, а оставляет лишь в качестве экспонатов глобального музея, который представляет собой история цивилизаций. Символы культуры лишаются присущего им истинного смысла – он никогда не может открыться человеку, не являющемуся носителем культуры, к которой они принадлежат. Человек, сталкивающийся с ними, имеет нацеленность понять их, но понимание через гештальт – образ эпохи, через ее портрет и иными доступными нам символическими средствами крайне ограничено и всегда представляет собой лишь искажение вечного и изначального их смысла, который, кстати, не был очевиден и носителям культуры, в силу того, что в их сознании она имела незавершенный характер. А тем самым ставится под сомнение наличие истинного (и какого-либо вообще) смысла в культуре, что также открывает дорогу постмодернизации, истоки которой, таким образом, в значительной степени восходят ко времени переосмысления итогов Первой мировой войны.

Еще одним источником постмодернистского понимания истории, наряду с идеями Ницше, стало учение Бергсона о живом, субъективном времени. Это учение открыло путь для гуманитарного осмысления множественности временных шкал, их относительности и неравномерности в истории, что позволило сформировать факультативный и множественный хронотоп постмодернистской культуры – метафорически осмысленный, например Х. Борхесом как «сад расходящихся тропок».

Наследующий неклассической традиции философии жизни рационализм Х. Ортеги-и-Гассета своеобразно переосмыслен постмо-

дерном. Идея единства жизни и истории, представление о жизни как истории, подчеркивание ее текучести и культурной обоснованности составило основание постмодернистского исторического сознания. Столь же значимо для постмодернизма исследование Ортегой-и-Гассетом ситуации «восстания масс» и дегуманизации в культуре XX в., открывшее один из важнейших истоков постмодернизма – массовую культуру и массовое общество, которые стали как предметом переосмысления в постмодернистской философии, так и питательной средой, материальной базой для воплощения постмодернистского эксперимента; а в терминах дегуманизации постмодерн стал осмыслять и историческую, и этическую, и политическую ситуацию в культуре второй половины XX в. Ортега-и-Гассет демонстрирует принципиально новое качество аксиологического процесса, ведущего к постмодернизации культуры: «Ценности культуры не погибли, однако они стали другими по своему рангу. В любой перспективе появление нового элемента влечет за собой перетасовку всех остальных» [4:267].

Продолжено формирование концептуальных основ постмодерна в экзистенциалистской философии. Обращение к проблемам существования и сведение к ним вопроса о субъекте открыло дорогу пониманию человека как одинокого и *иного* существа, что дало возможность открыть в нем некий «конструктор», всякий раз заново собираемый его собственной волей и самостоятельно выбирающий свою судьбу. Здесь остается сделать один шаг, чтобы прийти к постмодернистскому пониманию человека как поля игры и сборки культурных смыслов – в самом деле, если человек сам определяет свою судьбу – он определяет ее всякий раз заново, или опираясь на опыт других людей, или отталкиваясь от него?

Идеи К. Ясперса об осевом времени заставляют двояко взглянуть на постмодерн. С одной стороны, понятие осевого времени как определенной эпохи, заложившей основные жизненные формы европейской цивилизации, может быть трактовано как модель для понимания переходной эпохи, определяющей основания цивилизации, которая может вновь оказаться актуальной с точки зрения представлений о неизбежном сломе европейской культурной модели. С другой стороны, возникает вопрос о необратимости осевого времени – проблема

соотношения рационального, философского отражения мира и мифологического, коллажного вновь становится актуальной в культуре второй половины XX в., ведь именно философские учения, возникшие в осевое время, становятся основным объектом критического переосмысления в постсовременности. Постмодерн не остался чуждым и представлениям Ясперса о пограничных ситуациях в истории и культуре. Смена жизненных форм в культуре как процесс прохождения через пограничные ситуации становится в постмодерне основной темой обсуждения. Трактовки постмодерна как пограничной ситуации также представляют собой распространенное явление. Но пограничные ситуации в культуре должны вести, по мнению Ясперса, к обретению подлинной культуры, а в этом можно усмотреть принципиальное расхождение его философии с постмодернистской культурной практикой.

Второй представитель немецкого экзистенциализма – М. Хайдеггер – оказал еще большее влияние на постмодернистскую традицию, пожалуй, наибольшее из всех представителей неклассической философии. Хайдеггер – культовая фигура для постмодерна, поскольку своей философией здесь-бытия предвосхитил постмодернистское понимание человека и истории. Хайдеггер продолжает тему кризисности современной культуры, проблематизирует отношения человека и техники, он открывает тему опасности техники для человеческого существования, тем самым заявляя о предстоящем изменении природы человека, ее подчинении технической стороне культуры. С ростом технического оснащения культура лишается потаенности – основного, что обеспечивало ее привлекательность и необходимость для человека. Культура начинает быть состоящей-в-наличии, превращается в постав. Освобождение от сакральности означает общедоступность и оборачивается двойственностью – лишая культуру потаенного смысла, техника сама становится этим смыслом, вытесняя человека и тем самым меняя его. Так, в философии Хайдеггера открывается тема дегуманизации современной культуры. Искоренение потаенности выражается в философии тем, что Хайдеггер обозначает как критику метафизики – основополагающую черту самоосмысления постмодерна.

Второе основание постмодернистской философии, открытое Хайдеггером – здесь-бытие, или присутствие, или сиюбытность, если перевести более точно применительно к постмодернистской традиции. Трактовка сознания как вопрошающего о бытии ставит его в центр бытия, в центр природы, в центр мира, в центр культуры. Вслед за Хайдеггером мы говорим о культуре человечества как производном моего сознания, что снимает проблему историчности и ставит культуру вне истории, лишая историю традиционного исторического времени; что снимает проблему авторства и плагиата, превращая каждого в творца мировой культуры, если он пребывает в состоянии вопрошания о бытии; что снимает проблему времени, сливая в моментальном акте вопрошания прошлое, настоящее и будущее и делая их неразличимыми. Для Хайдеггера через экзистенциальное проживание здесь-бытия человек обретает смысл бытия, выстраивая его экзистенциальную структуру, но это обретение представляет непосильную ношу для человека, поэтому постмодерн облегчает его участь, лишая акт вопрошания о бытии осмысленности. Для постмодерна он становится просто культурным жестом, актом творчества, в котором человек обретает тотальность времени и, возвышая свой голос, сиюминутно организует в той или иной форме культурное бытие. Здесь Хайдеггер показывает пути преодоления в грядущем искусстве той точки зрения, что «искусство есть про-изведение истины в действительность и что истина означает непотаенность бытия» [7:96]. Именно непотаенность, переставшая быть истиной, открывает путь для постмодернистского искусства.

Третья актуальная для постмодерна тема философии Хайдеггера – язык. Говорение как естественное состояние человека и суть его существования – тема, без которой не может быть постмодерна. Именно в языке, и только путем говорения, возникает в сознании человека тотальность прошлого, настоящего и будущего. Она не позволяет нам определить точку начала истории, точку начала творчества, и задает систему координат для толкования культуры как хаоса голосов, принадлежащих разным, несвязанным субъектам, с бессмысленным упорством говорящим одно и то же, задающим безумный ритм повторения в культуре. Для Хайдеггера только говорящий человек –

человек, а значит, всякая культура содержит в себе элемент постмодерна как объединения трех культурных реальностей – до меня, моей и после меня. Тем самым заявленная Хайдеггером гуманистическая роль языка в культуре оборачивается рождением хаоса. Значительную роль в этом сыграл и интерес Хайдеггера к восточной, и прежде всего даосской и дзенской, философии.

Теоретики французского экзистенциализма повлияли на становление постмодернистской философии косвенно – через опосредованно инициированные ими антибуржуазные движения второй половины XX в. Особенность данной ситуации состоит в том, что идеи Сартра и Камю, в значительной степени противоположные постмодернистскому взгляду на мир, оказались катализатором для окончательной его кристаллизации из множества противоречивых тенденций постмодернизации, которые обнаруживаются исследователями на протяжении всего Нового времени. Именно благодаря французскому экзистенциализму эти тенденции оформились в единое интеллектуальное движение, открывшее дорогу постмодернизму как таковому – французский постструктурализм, теоретики которого непосредственно опирались на идеи философии существования. Такую роль сыграла теория проекта Ж.-П. Сартра, ставшая основой его важнейшего сочинения «Экзистенциализм – это гуманизм». Представление о человеке, который не задан, который проектирует, собирает себя в ходе своего существования, объединяет Сартра и постмодернистов, но ведет для них к принципиально противоположным решениям: если для Сартра это – залог свободы человека и его ответственности, то для постмодернизма это – объективный принцип, свидетельствующий о растворении личности в пространстве текста. Концепты отчуждения и «тошноты» – неотъемлемые мотивы постмодернистской теории, но если для Сартра они ведут к необходимости поиска подлинности в существовании, то для постмодерна разговор о них – лишь констатация нового состояния цивилизации. Теория познания Сартра – учение о взаимодействии воображения и восприятия и о двойственности любого акта познания, поскольку за ним всегда стоит ничто – точка отсчета для постмодернистских концепций знания.

Близка постмодерну и категория «абсурд», ставшая знаком философии культуры А. Камю. Как и в ситуации с философией Сартра, мы имеем в постмодернизме полное согласие с теми характеристиками современной культуры, которые дает Камю, но постмодерн, в отличие от него, снимает с этих характеристик негативный пафос и стремление к преобразованию. Постмодерн очень хорошо усвоил и ассимилировал образ Сизифа как один из символов современной культуры.

Связь постмодерна с предшествующей философской традицией неразрывна и многообразна, трудно найти среди неклассических философских концепций те, которые не повлияли бы негативным или позитивным образом на формирование интеллектуального пространства постсовременной культуры. Это еще раз подчеркивает преемственность постмодерна и европейской цивилизации Нового времени и заставляет говорить о постмодерне лишь как о новой, очередной семиотизации интеллектуального опыта предшествующих веков.

-
1. Андреева Е. Ю. Постмодернизм. Искусство второй половины XX – начала XXI века. СПб., 2007.
 2. Бадью А. Делёз. Шум бытия. М., 2004.
 3. Делёз Ж. Ницше и философия. М., 2003.
 4. Ортега-и-Гассет Х. Тема нашего времени // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 264–267.
 5. Суворов Н. Н. Элитарное и массовое сознание в культуре постмодернизма. СПб., 2004.
 6. Фишер-Лихте Э. Постмодернизм: Продолжение или конец модернизма? // Германия. XX век. Модернизм. Авангард. Постмодернизм. М., 2008. С. 147–158.
 7. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 95–102.